

SUBJECT TYPES AND THEIR CHARACTERISTICS IN TRANSLATION

Marina Fomina

Moscow City Teachers' Training University, Moscow, Russia

Abstract

The paper focuses on the category of semantic subject and its syntactical representation. The concept of subject is shaped by extra-linguistic knowledge and personal experiences as well as by people's linguistic knowledge. The concept of subject, among other components, includes accumulated knowledge of the semantic roles which the grammatical subject may have in a sentence. The variety of roles accounts for the radially structured category of subject, with some members more central than others. The prototypical grammatical subject – an agent subject – is expressed by the nominative case of a noun which precedes the verb and is typically represented by an animate initiator or do-er of an action. Other types of subject are scattered within the syntactical category of subject being more central or peripheral. Translation-wise, the most “treacherous” types are the peripheral ones.

Keywords: the concept of subject, an agent, a patient, a causee.

ОСОБЕННОСТИ ТИПОВ СУБЪЕКТОВ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Марина Фомина

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматривается концептуальная категория субъекта и её языковая репрезентация – синтаксическая категория подлежащего. Концепт субъекта выделяется в нашем сознании не только на основе знаний о внеязыковой действительности, но и с учётом опыта отражения событий, происходящих в реальном мире, в языке. Концепт субъекта содержит знание о том, что семантический субъект в позиции грамматического подлежащего может иметь различные семантические роли. Вариативность реализуемых ролей связана с прототипической структурой организации категории субъекта. В качестве прототипа категории подлежащего в современном английском языке выступают существительные конкретной семантики в общем падеже, занимающие в составе предложения начальную позицию; обозначающие одушевленные объекты и выполняющие семантическую роль агенса. Другие типы подлежащего располагаются на разном расстоянии от прототипического центра. В статье рассматриваются некоторые периферийные типы субъектов, потенциально способные вызвать большие трудности при переводе с английского языка на русский, нежели прототипические.

Ключевые слова: концепт субъекта, агенс, пациенс, объект каузации.

Article history:

Received: 11 August 2014

Accepted: 15 December 201

Published: 1 February 2015

Marina Fomina, PhD (Moscow City Teachers' Training University) is an Associate Professor with the Department of European Languages and Translation Studies, Institute of Foreign Languages, Moscow City Teachers' Training University (Russia). She teaches courses in linguistics, English grammar and lexicology, and English as a foreign language. Her research interests include linguistic semantics, cognitive linguistics and linguistic experiments.

Email: marinafomina7@gmail.com

Проблема понимания категории «субъект» всегда являлась принципиальной как для отечественной, так и для зарубежной лингвистики. Языковая репрезентация концептуальной категории субъекта реализуется в форме синтаксической категории подлежащего. Между тем во многих работах термин «субъект» употребляется для обозначения именно синтаксической категории, а не семантической, при этом часто без разграничения предметных областей данных категорий. Так, например, субъект трактуется как: «1. Предмет суждения, логическое подлежащее, по отношению к которому выделяется предикат. 2. То же, что грамматическое подлежащее» (Rozental'&Telenkova, 1985, p. 312).

Как отмечает Н. Н. Болдырев, когнитивным основанием концептуальной и синтаксической категорий субъекта является «концепт «субъект», который формируется в нашем сознании не только с учетом неязыковых знаний и опыта событий, происходящих в реальном мире, но и опыта отражения этих событий в языке, т.е. языковых знаний» (Kobrina et al., 2007, p. 220). Содержание концепта «субъект» соответственно включает в себя и знание того, что в каждом событии есть элемент, который выделяется как его инициатор или источник и который этим же событием характеризуется. Концепт субъекта также содержит знание о том, что все события внеязыковой действительности могут быть представлены в языке как действия, состояния, свойства или отношения, а субъект – как производитель намеренного или ненамеренного действия (*He carefully surveyed the valley stretching before him; We unintentionally offended him*); источник свойства (*He reads a lot*) или процесса (*He blushed to that degree that I felt ill at ease*); носитель состояния (*I feel very bitter about this*); элемент отношения (*The book belongs to me*) (Kobrina et al., 2007, pp. 220-221). Тот факт, что сам концепт субъекта выделяется в сознании не только на основе знаний о внеязыковой действительности, но и в результате «регулярной единообразной дискретизации» (Kobrina et al., 2007, p. 221) этого понятия с помощью определенных формальных средств – языковых синтаксических структур и унифицированных формальных способов выражения субъекта (например, падежа или синтаксической позиции, использования служебного слова, правил согласования, возможности или невозможности опущения и др.) (Kasevich 1992, p. 15) – обуславливает многоплановость категории субъекта и его языковой репрезентации – синтаксической категории

подлежащего, отражающей структурные, синтаксические, коммуникативные и семантические характеристики в их взаимодействии.

Подобная многоаспектность категории подлежащего порождает многочисленные проблемы, которые остаются актуальными для современной синтаксической теории, а именно: соотношение семантических и синтаксических функций, членов предложения и частей речи, проблема разграничения функций и реализующих их членов предложения, выделение главных и второстепенных членов предложения и др. Многоплановость категории субъекта оказывается связанной с существующим разнообразием подходов к пониманию и изучению данной категории, среди которых, например, выделяют формально-грамматический, содержательный, семантико-синтаксический (или функциональный), коммуникативный и др. (Boldyrev, 2002).

Вслед за многими лингвистами, мы полагаем, что рассмотрение категории субъекта с позиций прототипического подхода позволяет наиболее полно раскрыть его сущность как языковой концептуальной категории, отражающей единство денотативно-понятийного и языкового аспектов (единство мыслительной основы содержания понятия «субъект» и ее языкового представления чётко выявляется в (Kobrina et al., 2007, Boldyrev, 2002, Shakhmatov, 1941, Bondarko, 1992). Рассмотрим, как в рамках данного подхода интерпретируется понятие субъекта и решаются некоторые проблемы, связанные с его отграничением от смежных понятий.

А. В. Бондарко определяет субъект как такой элемент субъектно-предикатно-объектной ситуации, который выступает в качестве источника приписываемого этой ситуации «непассивного предикативного признака» (Bondarko, 1992, p. 33). Данный источник может выполнять различные семантические функции, или роли (см. Fillmore, 1968), такие, как, например, агенс (реальный производитель действия), эспериенцер (носитель состояния), получатель, или бенефактив, объект каузации, объект действия – пациент, элемент отношения и другие. Такую вариативность реализуемых функций можно объяснить наличием у субъекта, независимо от его семантической функции, признака «креативности» (Bondarko, 1992, p. 35), которым наделяется субъект по отношению к предикату. Таким образом, признак детерминации (креативности)

предиката можно рассматривать как прототипический признак категории субъекта, позволяющий выделить в ней центральные элементы – прототипические (в качестве субъекта выступает агенс, производитель действия) и периферийные элементы (субъект не является агенсом, ничего не создает и не детерминирует), которые грамматически представляются как источник обозначенного предикатом признака.

Опираясь на имеющиеся исследования категории субъекта (см., например, Kasevich 1992, Shakhmatov, 1941, Bondarko, 1992, Katsnel'son, 1972 and 1974, Seliverstova, 1982), Н. Н. Болдырев выделяет следующие наиболее существенные характеристики субъекта-агенса, выступающего в роли прототипа категории субъекта: 1) одушевленность; 2) энергетическая активность; 3) намеренность (волитивность); 4) каузативность; 5) контролируемость, а также 6) креативность предикативного признака. С точки зрения языковой репрезентации категории субъекта на уровне слова и предложения в качестве прототипа категории подлежащего в современном английском языке выступают существительные конкретной семантики в общем падеже, занимающие в составе предложения начальную позицию, обозначающие одушевленные объекты и выполняющие семантическую функцию исполнителя действия (Kobrina et al., 2007, p. 225), ср.:

(1) *Cecilia* gripped the cool porcelain in both hands as she stood on one foot, and with the other hooked the French windows open wide (McEwan, 2007, p. 24).

(2) *The University of Edinburgh Staff Club* has recently changed its rules to open membership to the graduates of universities other than Edinburgh (BNC, 2007).

(3) In protest, *France* closed its southern border and proposed that the situation in Spain be discussed in the UN Security Council (BNC, 2007).

(4) *Her hand* stroked the soft upholstery of the car (BNC, 2007).

В данных высказываниях субъект-агенс действия обозначен подлежащим, выраженным в примерах (1), (2) и (3) именем собственным, а в примере (4) – названием части тела, метонимически представляющем реального исполнителя действия. Таким образом, в данных примерах подлежащее представлено одушевленным лицом (или его активным органом), которое способно использовать собственную внутреннюю энергию для намеренного выполнения

какого-либо действия, осуществляя *контроль* за его реализацией. С точки зрения перевода данных высказываний на русский язык, такие структуры, как правило, не вызывают особых трудностей при выборе варианта синтаксической реализации исходной субъектной предикации – синтаксическая структура рассматриваемых английских высказываний совпадает с глубинной (логической) структурой высказывания и обычно не требует от переводчика применения специальных грамматических трансформаций.

В следующей группе примеров подлежащие выражены существительными, обозначающими неодушевленные субстанции, которые могут быть представлены как источник действия, не способный, однако, совершать действие намеренно или контролировать его результат. Таким образом, семантические субъекты, занимающие позицию подлежащего в данных высказываниях, обладают признаком энергетической активности, но не реализуют признаки волитивности и контролируемости (Kobrina et al., 2007, p. 226) – ср.: *The sun always rises in the east; The fire burst into a blaze; Waves beat against the shore; The clock chimed midnight.*

Дальнейшая градация типов подлежащего связана с выражением определенного типа субъекта и степенью проявления им признака активности (2, p. 227). Можно предположить, что чем далее отстоит подлежащее от прототипа, тем больше вероятность того, что переводчику на русский язык придется прибегнуть к грамматическим трансформациям при передаче субъектной предикации, реализованной в английском высказывании.

Рассмотрим примеры, в которых субъект не представлен как реальный производитель действия и обнаруживает отличия от прототипа, ср.:

A.

(5) *The bread absorbs the stain* (BNC, 2007). – С помощью хлеба можно вывести пятно / ? Хлеб выводит пятна.

(6) *This lotion adds shine and body to hair* (BNC, 2007). – Лосьон придает волосам блеск и густоту.

(7) *Some foods can stain the teeth, as of course can smoking* (ABBYU Lingvo x5). – От потребления некоторых продуктов, как и от курения, может

появиться зубной налет / *Некоторые продукты*, как и курение, могут явиться причиной зубного налета.

- (8) *That whole-wheat flour bakes wonderful bread* (Levin, 1993, p. 82). – *Из цельнозерновой муки* получается / пекут замечательный хлеб / * *Цельнозерновая мука* выпекает замечательный хлеб.

В данной группе высказываний подлежащее выражено существительными, обозначающими неодушевленные субстанции, которые представлены как средство осуществления действия. Данный тип субъекта не обладает признаками волитивности и контролируемости, свойственными исключительно агенту действия. Признак же активности трансформируется в признак «псевдоактивности» (Kobrina et al., 2007, p. 223) – субъект свойства представляется как абстрагированный от конкретных действий субъекта, по которым он характеризуется и которые рассматриваются как не локализованные во времени и пространстве. Таким образом, единственным признаком такого субъекта, определяющим его принадлежность к общей категории субъекта, является свойство *креативности предикативного признака*, что позволяет отнести данный тип субъекта и его языковую репрезентацию в виде подлежащего к периферийным элементам рассматриваемых категорий.

При переводе таких предложений следует учитывать периферийность субъекта, представленного как источник свойства. В высказывании (5) предикация, реализованная в английском предложении, передается на русский язык при помощи безличной глагольной конструкции. При переводе высказывания (6) копируется поверхностная структура оригинала. Субъект предикации в примере (7) (*some foods*) в русском высказывании соответствует либо субъекту-источнику свойства, занимающему в предложении позицию подлежащего, либо приобретает объектно-обстоятельственную интерпретацию и выполняет функцию второстепенного члена. Предложение (8) можно перевести при помощи пассивной или неопределенно-личной конструкции. Таким образом, субъект в английском высказывании, представленный как абстрагированный от конкретных агентивных функций, в русском варианте перевода получает соответствующее представление уже с учётом более широкого диапазона синтаксических структур, которым располагает русский язык.

В следующей группе примеров подлежащее выражено существительными, обозначающими одушевленные или неодушевленные объекты, представленные в высказывании как объекты каузации. При этом субъект-каузатор в данных конструкциях отсутствует, но предполагается.

В.

(9) *These apples cook well* (ABBYU Lingvo x5). – *Эти яблоки* хорошо готовить.

(10) *Whales frighten easily* (Levin, 1993, p. 5). – *Китов* легко напугать.

(11) *Idaho potatoes bake beautifully* (Levin, 1993, p. 244). – *Картофель сорта «айдахо»* хорошо запекать.

(12) *Some kinds of wood split easily* (Kobrina et al., 2007, p. 232). – *Некоторые сорта древесины* легко колоть / легко колются.

Данные предложения описывают свойства субъекта, в основе которых лежат однотипные конкретные действия, рассматриваемые говорящим как действия регулярного характера и характерные для субъекта вследствие присущих ему определённых физических / химических свойств, при этом субъект-источник свойства выступает в роли объекта каузации.

Модель перевода данных высказываний можно представить в следующем виде: «объект каузации, выраженный существительным в родительном падеже, выступающем в роли дополнения + оценочное наречие + инфинитив, который в сочетании с оценочным наречием (*хорошо, легко* и т.д.) образует сложное составное сказуемое».

Обе рассмотренные группы примеров (А и В) представляют собой предложения с одним и тем же типом субъекта – субъектом свойства. При этом в рамках одного и того же типа можно выделить различия в числе и характере выражаемых характеристик, свойственных категории субъекта. Эти различия находят отражение в различных способах языковой репрезентации субъекта в виде подлежащего и, соответственно, способах его перевода на русский язык. Рассмотрим признаки, выражаемые рассмотренными субъектами свойства, подробнее.

Итак, в предложениях обеих групп субъект представлен как источник свойства. Однако высказывания группы А вносят представление о том, что субъект выступает в качестве средства осуществления действия, хотя и является абстрагированным от конкретных агентивных функций и не выступает как одушевленный деятель. В предложениях группы В субъект представлен как объект каузации. Таким образом, субъекты первой группы высказываний оказываются лежащими ближе к прототипу по сравнению с субъектами второй группы, так как обладают большим количеством прототипических признаков (проявляют большую активность) и, следовательно, располагаются ближе к субъекту-агенсу в структуре категории. Сопоставляя русские высказывания, полученные в результате перевода предложений групп А и В, заметим, что в качестве перевода высказываний первой группы в некоторых случаях допускаются двусоставные конструкции, поверхностная структура которых повторяет синтаксическую структуру английского предложения с субъектом свойства в позиции подлежащего. При переводе высказываний второй группы исходная субъектная предикация может быть передана при помощи пассивной или безличной глагольной конструкции (выражаемая таким безличным предложением логическая предикация не бессубъектна – субъектом действия, выраженного глаголами *готовить*, *напугать*, *запекать*, *колоть* выступает человек – предполагаемый субъект каузации).

Особое место в синтаксисе предложения занимают английские структуры с формальным подлежащим *it*: *It is raining*; *It is getting dark*; *It is necessary that I phone him*. Такие английские высказывания большинством исследователей трактуются как бессубъектные (ср., например, интерпретацию русских высказываний типа *Темнеет. Темно.* в (Ревнева, 1996, р. 3), согласно которой субъектом данных высказываний является локатив, что, как справедливо отмечает О. А. Сулейманова, «трудно согласуется с интуитивным представлением о субъектности» (Suleimanova, 2000, р. 15)). Русские безличные структуры не имеют прямого коррелята в английском языке и, следовательно, могут вызывать определенные трудности при переводе. Действительно, в логической структуре предложений типа *В комнате тепло*; *Темно*; *Вечерет* отсутствует субъект, в синтаксической – подлежащее. В то же время данная синтаксическая позиция по нормам английского языка является обязательной и при передаче исходной

бессубъектной глагольной предикации на английский язык заполняется формальным подлежащим, выраженным безличным местоимением *it*.

Для интерпретации русских безличных моделей очень эффективным оказывается понятие «носитель предикативного признака», введенное А. В. Бондарко (Bondarko, 1992, pp. 54-56) в связи с рассмотрением проблематики субъектно-предикатно-объектных отношений. Под носителем предикативного признака понимается «субстанция, которой приписывается предикативный признак» (Bondarko, 1992, pp. 54-55). Под данное понятие подпадают единицы, выполняющие функцию предикатируемого компонента синтаксической структуры предложения, которому в активных конструкциях соответствует семантический субъект, а в пассивных – объект. Таким образом, носитель предикативного признака представляет собой синтаксическую субстанцию, в которой разграничиваются и соотносятся структурные и семантические функции, связанные с теми или иными средствами формального выражения. Такая трактовка данного понятия позволяет, например, решить вопрос о залоговой принадлежности ряда конструкций, когда понятия подлежащего и семантического субъекта оказываются недостаточными (Bondarko, 1992, pp. 56-57). Более того, введение понятия носителя предикативного признака «позволяет сохранить понятие подлежащего в его обычном, не расширенном толковании» (Bondarko, 1992, p. 60) и, тем самым, избежать возникновения двойственности и утраты определённости данной категории – ср. предложения типа *Отцу не работается; Ему холодно*, которые трактуются в ряде работ как структуры с подлежащим, имеющим неноминативное выражение (Zolotova, 1982). Итак, говоря о необходимости введения понятия носителя предикативного признака в связи с проблематикой субъектно-предикатно-объектных отношений, можно выделить следующие значимые положения: 1) данное понятие позволяет подвести целый ряд синтаксических явлений под некоторое обобщающее родовое понятие, охватывающее наряду с подлежащим и другие предикатируемые компоненты синтаксической структуры предложения – репрезентации носителя предикативного признака; 2) данное понятие оказывается особенно эффективным при анализе бесподлежащих синтаксических конструкций, в составе которых имеется другая структура, выполняющая функцию носителя предикативного признака (Bondarko, 1992, p. 64).

Таким образом, русские безличные предложения типа *В комнате жарко*, реализующие пространственную модель, не содержат в своей синтаксической структуре вербально выраженного подлежащего, но имеют в логической структуре предикации носитель предикативного признака, соответствующий пространственному компоненту высказывания. При передаче данной бессубъектной предикации на английский язык используются английские структуры с формальным подлежащим *it*, которое, как представляется, и соответствует носителю предикативного признака, получившего языковую репрезентацию в рамках английского предложения. Данную репрезентацию необходимо признать расположенной на периферии класса синтаксических элементов-репрезентантов носителя предикативного признака. Интерпретация формального подлежащего *it* в качестве носителя предикативного признака согласуется с пониманием А. В. Бондарко о структурном носителе предикативного признака, под которым «имеется в виду носитель структурного (сказуемого) признака» (Bondarko, 1992, p. 55).

Итак, в рамках настоящей статьи были рассмотрены: 1) принятый в современной лингвистике прототипический подход к изучению категории субъекта; 2) проблема интерпретации понятия субъекта и разграничения таких смежных понятий, как субъект, подлежащее, носитель предикативного признака; 3) некоторые периферийные типы субъектов, потенциально способные вызвать бóльшие трудности при переводе, нежели прототипические; 4) использование понятия носителя предикативного признака при анализе русских и английских безличных моделей.

Литература

- ABBYY Lingvo x5 (Electronic Dictionary).
- Boldyrev, N. N. (2002). Kategoriiia podlezhashchego s prototipicheskoi tochki zreniia [A Prototypical View of the Subject] *Vestnyk Tambovskogo universiteta. Seriiia Gumanitarnye nauki*, 3(27), 71-84.
- Bondarko, A. V. (1992) Sub''ektno-predikatno-ob''ektnye situatsii [Subject-Predicate-Object Situations]. In: Bondarko A. V., Bulygina T. V., Maslov Yu. S., Pavlov V. M., Seliverstova O. N., Sheliakin M. A. (Eds), *Teoriia funktsional'noi grammatiki. Sub''ektnost'. Ob''ektnost'. Kommunikativnaia perspektiva vyskazyvaniia. Opredelennost'/neopredelennost'* [Theory of Functional Grammar. Communicative Sentence Perspective. Definiteness / Indefiniteness]. (pp. 29-71). Sankt-Peterburg: Nauka.

- Fillmore, Ch. J. (1968). The Case for Case. In: Bach E., Harms R. T. (Eds.), *Universals in Linguistic Theory* (pp. 1-88). New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Kasevich, V. B. (1992) Sub“ektnost i ob“ektnost: problemy semantiki [Subjectness and Objectness: A Problem of Semantics]. In: Bondarko A. V., Bulygina T. V., Maslov Yu. S., Pavlov V. M., Seliverstova O. N., Sheliakin M. A. (Eds.), *Teoriia funktsional’noi grammatiki. Sub“ektnost. Ob“ektnost. Kommunikativnaia perspektiva vyskazyvaniia. Opredelennost’/neopredelennost’* [Theory of Functional Grammar. Communicative Sentence Perspective. Definitness / Indefinitness]. (pp. 5-29). Saint-Petersburg: Nauka.
- Katsnel’son, S. D. (1972). *Tipologiiia iazyka i rechevoe myshlenie* [Language Typology and Language Thought]. Leningrad: Nauka.
- Katsnel’son, S. D. (1974). O kategorii sub”ekta predlozheniia [On the Category of the Subject of the Clause]. In: V. N. Iartceva (Ed.), *Universalii i tipologicheskie issledovaniia* [Universals and Typological Studies] (pp. 104-124). Moscow: Nauka.
- Kobrina, N.A., Boldyrev, N.N. & Hudiakov, A.A. (2007). *Teoreticheskaia grammatika sovremennogo angliiskogo iazyka: Uchebnoe posobie* [Theoretical Grammar of Modern English: A Study Guide]. Moscow: Vysshaia shkola.
- Levin, B. (1993). *English Verb Classes and Alternations: A Preliminary Investigation*. Chicago: University of Chicago Press.
- McEwan, I. (2007). *Atonement*. London: Vintage.
- Pevneva, T. I. (1996). *Svoistva sub’ektov i predikatov bezlichnogo predlozheniia (na materiale konstruktsii, opisyvaiushchikh iavleniia prirody i iavleniia vnutrennego mira cheloveka)* [Characteristic features of subjects and predicates of impersonal clauses (As illustrated by constructions describing natural events and the inner life of a person)]. Author’s abstract of PhD dissertation. Moscow.
- Rozental’, D.E. & Telenkova, M. A. (1985). *Slovar’-spravochnik lingvisticheskikh terminov: Posobie dlia uchitelia* [Dictionary of Language Terminology. A Reference Book for Teachers]. Moscow: Prosveshchenie.
- Seliverstova, O. N. (1982). Vtoroi variant klassifikatsionnoi setki i opisaniie nekotorykh predikatnykh tipov russkogo iazyka [A Second Design of the Classification Scale]. In: Seliverstova O. N. (Ed.), *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic Types of Predicates](pp. 86-157). Moscow: Nauka.
- Shakhmatov, A. A. (1941). *Sintaksis russkogo iazyka* [Syntax of the Russian Language]. Leningrad: Uchpedgiz.
- Suleimanova, O. A. (2000). *Relevantn’e tipy bezlichnykh sintaksicheskikh struktur i ikh semanticheskie korreliaty* [Relevant types of impersonal syntactic structures and their semantic correlates]. Author’s abstract of PhD dissertation. Moscow
- The British National Corpus (BNC), version 3 (BNC XML Edition). (2007). Distributed by Oxford University Computing Services on behalf of the BNC Consortium. Retrieved from <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
- Zolotova, G. A. (1982). *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative Aspects of Russian Syntax]. Moscow: Nauka.